Тук-тук!

Внешнюю дверь туалета дважды постучали.

Это была его личная уборная, и кроме Цзи Ляня сюда мог войти разве что Чэн Чжо.

Последний сначала напомнил, что переговорная уже готова, а заметив его скорчившуюся от боли физиономию, всё же заговорил:

— Цзи-цзун, неужели у вас на шее и правда собака лизнула?

— Ага, а что такое? — Цзи Лянь даже не повернул головы.

Чэн Чжо сперва промолчал.

Помедлив немного, он всё-таки произнёс:

— Я считаю, что пока вы не подыскали для ученика Лу подходящую семью, вам не следует приводить его в компанию.

Цзи Лянь бросил на него мимолётный взгляд.

— С несколькими семьями я уже связался, сегодня ближе к вечеру они приедут в компанию на встречу с вами.

Цзи Лянь ничего не ответил.

Раньше он действительно очень хотел отправить Лу Циань куда-нибудь подальше: хотя парню еще не исполнилось и восемь лет до совершеннолетия, впереди у него целая жизнь, и если найдётся хорошая семья, готовая его приютить, было бы неплохо — пусть заботятся друг о друге.

Но стоило ему узнать, что этот парень — главный герой книги, как Цзи Лянь сразу передумал так легко отпускать его.

Точно как в романах про культивацию: какой-нибудь клан вечно не желает отпускать наружу ученика с самыми острыми духовными корнями, ни при каких обстоятельствах не разрешает ему уходить и непременно норовит оставить всё при себе.

В народе это называется: добро из своего колодца на чужие поля не утекает.

— Дядя Чжо, а вы знаете, кто такой писюй? — спросил он.

Чэн Чжо вечно не поспевал за ходом его мысли и машинально переспросил:

— Что?

— Ну, такое божественное создание: большое ставят у ворот для отгнания злых духов, а маленькую статуэтку можно крутить в пальцах — говорят, к богатству.

— Вы хотите заказать одну такую фигурку ко входу в компанию?

— Заказывать не нужно, у нас тут есть одна готовая.

Чэн Чжо по-прежнему не понимал, о чём он говорит:

— Вы что имеете в виду?

Цзи Лянь сначала окликнул его:

— Дядя Чжо.

Закончив звать, он уставился в небо под углом в сорок пять градусов, с кристально чистым взором, точь-в-точь вспоминая недосядимую белоснежную луну своего сердца:

— Чувствую, я скоро разбогатею.

Чэн Чжо: «……»

* * *

Автор пишет:

Пластырь: ?

-

Ой-ой, хоть он и староват для щенка, а в шестнадцать лет всё ещё можно взять под опеку, оу-е.

Глава 5

Но на самом деле Цзи Лянь вовсе не был человеком, сильно помешанным на деньгах.

Иначе он ни за что не стал бы прогуливать деловой обед с партнёрами ради того, чтобы выгулить собаку.

Пластырь, судя по всему, был из тех собак, у которых в голове ветер свистит.

Когда его затащили на заднее сиденье кромешно-черной машины, он не испытал ни стресса, ни лая — едва усевшись, тут же радостно завалился спать и пустил слюни прямо на бедро Цзи Ляню.

Благодаря своей простоте, забавности и кроткому нраву, он с первого же появления завоевал любовь всех дядей и тетей в компании.

Многие сотрудники сами держали питомцев, так что в сумочках у них вечно находились какие-то игрушки для малышей — и теперь всё это полегло в ход для развлечения щенка.

Когда Цзи Лянь пришёл забрать его, Пластырь отчаянно сражался с мягкой игрушкой в форме косточки, кубарем катаясь по полу и то и дело подпрыгивая.

Зато стоило ему залезть в машину, как он тут же притих.

— Цзи-цзун, с чего это вы вдруг решили завести собаку? — с любопытством поинтересовался мастер Чжан, который возил его каждый день.

— Просто показалась милой, — с улыбкой ответил Цзи Лянь.

Впрочем, всё и правда вышло довольно спонтанно.

Шею Цзи Ляня украшали две красные полосы от пальцев Лу Цианя — показываться людям в таком виде было нельзя, и он собирался лишь заскочить в магазин у дома, чтобы купить какое-нибудь косметическое средство замазать следы.

Но в итоге нос к носу столкнулся у входа в зоомагазин с Пластырем, лупившим на него своими огромными, словно виноградины, глазищами.

И тут же решил переложить вину на этого парня!

Цзи Лянь сперва опустил глаза на собаку, но вскоре его взгляд снова соскользнул на Лу Цианя.

Маленький протагонист не произнёс ни звука с тех самых пор, как они сели в машину. Хотя он

и так всегда был немногословен, на этот раз он неотрывно пялился в окно, не сводя глаз с улицы ни на секунду.

Цзи Лянь сначала хотел бросить пару дежурных фраз, но потом передумал.

Лишь потрепал несчастную голову задремавшего Пластыря.

Когда машина остановилась, солнце уже почти село.

Лишь остатки закатного сияния — мягкие и приглушённые — падали на ограду снаружи школьных ворот.

Сторож у входа держал целую стайку утят, которые сбились в кучу, уплетая измельчённую зелень, и ни капли не ведали о том, что происходит вокруг.

Лу Циань отвёл взгляд от окна и спросил:

— Зачем мы приехали сюда?

— Мы же договаривались заглянуть сегодня в твою школу, разве нет? — Цзи Лянь протянул руку, помогая Пластырю устроиться поудобнее для дальнейшего сна, и бросил ему: — Вылазь.

С этими словами он не стал дожидаться Лу Цианя и первым вышел наружу.

В Бэйхуаской средней школе при институте летние каникулы длились всего месяц, и в этот час во всём старшем блоке полным ходом шла вечерняя самоподготовка.

Сделав несколько шагов вглубь территории, Цзи Лянь оглянулся и увидел, что Лу Циань так и стоит у главных ворот.

Он снова поманил его рукой:

— Иди сюда!

Да и сам Лу Циань, по правде говоря, не сказать чтобы сильно рвался возвращаться.

Он хотел учиться, этого же желал его дедушка, но, если честно, никаких теплых воспоминаний или привязанности к этой школе он не испытывал.

К тому же за весь сегодняшний день у него было уйма возможностей сойти с места и уйти куда

глаза глядят.

Деньги, которые он зарабатывал своим трудом, приёмная мать подчистую забрала, но у него хватало способов заставить её вернуть их назад; стоило ему получить эти деньги, как он смог бы уехать, однако он боялся, что Цзи Лянь заявится к его деду.

Сам-то он мог сбежать и раствориться в темноте, а вот дед — нет.

В конце концов Лу Циань по-прежнему не доверял Цзи Ляню. Подойдя к нему и помедлив мгновение, он произнёс:

— Зачем обязательно нужно было тащиться сюда прямо сейчас?

— Разве ты не хотел навестить школу? — откликнулся Цзи Лянь, заложив обе руки за спину.

Он воображал себя невероятно глубокомысленным, хотя со стороны больше походил на соседского дедушку, вышедшего погулять поздним вечерочком.

Лу Циань сначала шёл у него за спиной, но, заметив, что тот собирается двигаться дальше в сторону учебного корпуса, прямо сказал:

— Цзи-цзун.

— М? — Цзи Лянь обернулся.

— Лучше позвольте мне уйти, — глядя на него, проговорил Лу Циань. — Раз уж вы сказали, что между нами всё забыто, я бы хотел, чтобы всё вернулось к моменту, когда вы меня ещё не знали.

Лу Циань не доверял ему. Ни капли.

Гадать изо дня в день, когда же этот человек воткнет ему нож в спину, было невыносимо, так что лучше уж поставить вопрос ребром — в конце концов, он никогда и не надеялся, что этот тип действительно отыщет какого-то врача.

Лишь бы этот человек оставил его в покое и не совался к дедушке — с него хватит и этого.

Или, быть может, всё это — всего лишь очередная игра богатеев: сначала загнать человека в пучину отчаяния, потом, в хорошем настроении, сунуть ему пару пряников, а в дурном — снова втаптать в грязь.

Вместо всего этого попросить о милосердии, пока собеседник ещё расположен к беседе, было куда более разумным шагом.

— Хватит со мной возиться. И о моей семье тоже забудьте. Давай просто сделаем вид, что мы никогда не встречались.

После таких слов Цзи Лянь тоже умолк.

Он замер на месте, прекратив движение вглубь школы, и выглядел так, будто погрузился в самые серьёзные раздумья, после чего обратился к нему:

— А ты сам-то думал о своём будущем? Бросишь учёбу?

— Я могу сначала пойти работать. Совмещать работу с учёбой, зарабатывать на оплату колледжа. К тому же в нынешнем обществе учеба — далеко не единственный путь, выжить можно чем угодно.

Лу Циань говорил это через силу, кривя душой.

Он никак не ожидал, что едва умолкнут его слова, как этот мужчина резко развернётся к нему и сперва окинул его самым внимательным взглядом.

А затем отвесил ему увесистый подзатыльник!

Да так звонко, что аж чёрт побери хлопнуло:

— Наговорил тут глупостей!

Его тирада задела за живое самые чувствительные струны в душе Цзи Ляня, и в этот момент он напрочь позабыл, что перед ним вообще-то главный герой новеллы, а его тон утратил прежнюю мягкость:

— Это что ещё за речи? Ты хоть понимаешь, сколько людей сейчас отдали бы всё за шанс учиться, да у них возможности нет? У тебя такие блестящие оценки, если ты забросишь учёбу, разве это не преступное транжирство?

— Ну… образование и правда не решает абсолютно всё, но это по меньшей мере шанс. Выйдешь в большой мир — и у тебя хотя бы появится выбор.

— О чём ты вообще думаешь в свои годы, какая нахрен работа?! А? А?? Не воображай себя тут великим протагонистом Лун Аотянем, устраивающим спонтанные драмы! Бросить школу и

пойти вкалывать? Ты часом на небеса улететь не собрался?!

Выпалив всё это на одном дыхании, Цзи Лянь даже слегка осип — чем дальше он говорил, тем яростнее звучал его голос.

И не мудрено: он и сам в своё время вытащил счастливый билет исключительно благодаря учёбе. Поступил в хороший университет, обзавёлся верными друзьями-единомышленниками, с которыми они вместе поднялись и открыли компанию.

Поэтому он на дух не переносил, когда вот такие перспективные молодые побеги пускали под откос.

С этими словами он легонько пнул парня по голени и недружелюбно бросил:

— Шагай вперед давай. Веди меня в кабинет твоего классного руководителя, мне нужно с ним серьезно поговорить!

Всю оставшуюся дорогу Цзи Лянь продолжал что-то ворчать у него за спиной.

Лу Циань выслушал целый вагон упрёков.

Сначала он еще порывался что-то возразить, но вскоре у него пропало всякое желание открывать рот.

Он лишь потупил взор, а зарождавшиеся в душе подозрения и недоверие к этому человеку постепенно отступали, уступая место лишь одной настойчивой мысли: что же, чёрт побери, сделать, чтобы этот болтун наконец захлопнулся?..

Наконец они добрались до кабинета классного руководителя.

Судя по возрасту, классрук перешагнул пятидесятилетний рубеж — это был классический образчик занудного, до мозга костей правильного старого педагога, который как раз сидел за столом, прикрыв глаза в попытке вздремнуть.

Увидев вошедшего Лу Цианя, он сперва опешил, но стоило ему услышать, что парень явился восстанавливаться на учебу, как он мгновенно ожил!

И принялся наперебой расспрашивать обо всём на свете.

Кое-какие обстоятельства в семье Лу Цианя Ван Годун знал, а потому искренне обрадовался, узнав, что процедурой восстановления занялся стоявший рядом Цзи Лянь.

Он тут же принял их за родственников.

— Циань, дружок, за это ты действительно должен сказать спасибо своему старшему брату. Я же тебе всегда говорил: в следующем году в это же время уже вовсю идти экзамены будут, бросать учёбу с твоими данными — просто преступление!

Лу Циань машинально возразил:

— Он мне не брат.

Ван Годун удивился:

— Оу… А кто же вы тогда?

Не дав никому и слова сказать, Цзи Лянь сам перехватил инициативу:

— Ой, учитель, вы абсолютно правы, я ему самый настоящий старший брат, сегодня вот пришёл составить ему компанию.

Сказав это, он опасливо покосился на спутника и усердно подбодрил его лёгким кивком подбородка:

— Верно ведь, послушный братец?

Лу Циань: «……»

Он даже не стал на него смотреть, отвернувшись в сторону.

В конце концов всё свелось к тому, что в кабинете беседовали исключительно Цзи Лянь и Ван Годун.

Если в офисе Цзи Лянь ещё держал марку солидного генерального директора, то здесь, в школьном кабинете, он превратился в самого обычного родителя ученика. Свою личность он даже не стал упоминать, сосредоточившись исключительно на делах Лу Цианя.

Обсуждалось всё до мельчайших деталей: какой предмет в данный момент проседает сильнее всего, как готовиться в год поступления, пресная ли еда в школьной столовой или пересоленная, и кусаются ли жёлтые утята, которых держит сторож у ворот.

http://bllate.org/book/38708/4873178